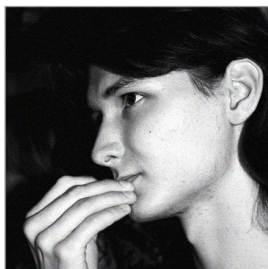

ПРАГМАТИЗМ, ИСТИНА И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ

Логинов Евгений Владимирович – аспирант. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

В этом тексте я попытался показать, как прагматическая максима и прагматическая дедукция категорий могут стать нитью Ариадны в лабиринте философии значения. Во-первых, я вкратце обрисовал историко-философские обстоятельства этой проблемы. В своем изложении я опирался на идеи Декарта, Локка, Беркли, Канта, Лейбница, Милля и Фреге. Затем я провел небольшое исследование с тем, чтобы избежать терминологической путаницы, возникшей в работах Рассела и в английских переводах «Логико-философского трактата» Витгенштейна. Во-вторых, я представил свою метафилософскую программу и коснулся некоторых общих вопросов, таких как истинность и ложность, референция и конвенция, когерентная теория истинности и метафизический идеализм. Затем я сформулировал проблему значения в виде противоречия наших базовых когнитивных убеждений и пытался показать, что разрешить это противоречие напрямую было бы непросто. В-третьих, я предложил способ избежать этого противоречия.

Ключевые слова: Пирс, Витгенштейн, значение, референция, прагматизм, конвенция

PRAGMATISM, TRUTH, AND THE PROBLEM OF MEANING

Evgeny Loginov – PhD student. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

In this text I've tried to show how pragmatic maxim and pragmatic deduction of categories could be a thread of Ariadne in the labyrinth of the philosophy of meaning. Firstly I've briefly outlined the historical and philosophical circumstances of the problem. This exposition was based on ideas of Descartes, Locke, Berkeley, Kant, Leibniz, Mill and Frege. Then I made a brief lexicographical research intending to eliminate the confusion over terminology, which appeared in Russell's papers and Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus". Secondly I've presented my metaphilosophical program and discussed some general issues like truth and falsehood, reference and convention, coherent theory of truth and metaphysical idealism. Then I've formulated the problem of meaning as a contradiction of our basic cognitive beliefs and tried to show that to seize the fortress is not an easy thing. Thirdly I've offered a way to avoid this contradiction.

Keywords: Peirce, Wittgenstein, meaning, reference, pragmatism, convention

Историческая экспозиция

Редко кто отважится отрицать важность лингвистической компетенции. За неспособность к языку Декарт лишил животных души [Декарт, 1989, с. 283]. Картезий и его последователи оставили теоретикам языка богатое наследие, но куда более влиятельной оказалась теория Локка [Locke, 2008, p. 54–259], которая сама в известной степени является переложением аристотелевских взглядов. Локк считал, что слово является знаком понятия в уме, а само оно происходит от внешней вещи. Например, слово «треугольник» означает мою мысль о треугольнике (в данном случае это будет архетип, или прообраз [Locke, 2008, p. 361–363]), а та, в свою очередь, происходит от множества видимых мною треугольных вещей и моей способности к рефлексии. Когда эти мысли излагаются в контексте проблемы универсалий, то их характеризуют как «концептуализм». Теория Локка была чрезвычайно полезна и существенно ослабила эссенциализм, дав ученым, уже несколько столетий выжимавшим все, что можно, из трудов Аристотеля, Августина и Боэция, новую мишень для критики. Так, современников Локка не устраивали сомнительные с точки зрения теологии следствия этой теории [Беседин, 2005]. Но не это было основной причиной отказа от локковской философии языка.

Теория Локка покоится на двух китах: тезисе о существовании в уме общих идей, таких как идея треугольника вообще, и тезисе об обозначении словами идей, а не вещей. Атакуя первый тезис, Беркли показал, что мы не можем представлять себе «треугольник вообще» [Беркли, 1978, с. 161–165]. Позднее Кант научил философов говорить о схематизме чистого рассудка: «Понятию о треугольнике вообще не соответствует никакой образ треугольника» (B180). Усложнение представлений о природе сознания подтолкнули философов к отказу от локковской теории значения. Несмотря на попытки локковедов доказать, что на самом деле взгляды Локка как на значения, так и на природу сознательного опыта были более утонченными и учитывали некоторые приведенные впоследствии возражения [Ott, 2003], [Mackie, 2005, p. 108–123], большая часть современных философов считает его теорию устаревшей.

Еще больший урон нанесли концепции Локка исследования по эпистемологии и теории знака. Наиболее существенны тут, как мне кажется, два аргумента. Первый можно назвать аргументом от необходимости. Его впервые сформулировал Лейбниц в своем ответе Локку. Опыт не дает нам знания о необходимости. Мы фактически обладаем знанием о необходимости. Следовательно, существуют знания не из опыта [Лейбниц, 1983, с. 81]. Позднее этот довод был воспроизведен Кантом (B5). Применительно к нашей теме это означает, что если бы

значением слов были идеи, то мы не могли бы иметь необходимые знания ни о чем, кроме, пожалуй, врожденных идей, существование которых Локк отрицал. А между тем нам кажется, что мы о многом можем говорить с необходимостью, например, что солнце восходит на востоке и завтра взойдет там же. Сложилось так, что подобных взглядов придерживался и Фреге, один из отцов логической революции рубежа XIX и XX вв.

Фреге считал основой своей научной деятельности следующее рассуждение. Кто-то, опознавая нечто как истинное, тем самым выносит некоторое суждение. То, что опознается как истинное, всегда есть мысль. Невозможно опознать нечто как истинное до того, как схватить это нечто. Мысль никому не принадлежит. Одна и та же мысль может быть схвачена несколько раз разными людьми [Frege, 1892; Frege, 2008, с. 28–32; Frege, 1979, p. 251–252].

Другой довод можно назвать аргументом от адекватности. Когда я говорю, что «на столе стоит чашка», я хочу сказать именно о столе и чашке, а не о моих идеях «стол» и «чашка». Ничего не гарантирует, что у меня и у собеседника одно и то же понятие о чашке, а между тем нам кажется, что мы говорим об одном и том же. Эти соображения были сформулированы Дж. С. Миллем [Mill, 1974, p. 24–25], их развивал Фреге, и они же легли в основу критики тезиса «значения в голове» Хилари Патнэмом.

Чарльз Пирс считал, что Милль существенно запутал вопрос о значении, отказавшись от различий, сделанных схоластами (см. его статью в [Baldwin, 1902, p. 528]). Это мнение Пирса может поразить тех, кто знаком с его собственными разработками по этой теме, много более путанными, чем миллевские. Но вавилонское смешение в философии значения действительно существует, и по исторической иронии оно связано с появлением аналитической философии.

Фреге различил Sinn (смысл) и Bedeutung (значение) знака. Рассел перевел это как “meaning” и “denotation” [Russell, 1905, p. 483]. Возможно, его вели ассоциации с теорией имен Милля. Милль использовал слово “denotation” для точного значения, а “connotation” для сопутствующего. На схожесть теорий Фреге и Милля указывал А. Черч [Черч, 1960, с. 313]. В «Логико-философском трактате» Витгенштейн, следуя терминологии Фреге [Stroll, 2000, p. 58], хотя и не разделяя его концепцию [Glock, 1996, p. 236–239], использовал слово “Bedeutung” для объекта, который является значением имени (3.203, 3.261, 3.263, 3.3). В английском переводе Ч.К. Огдена, выполненном при участии Дж. Э. Мура и Ф.П. Рамсея, в этом месте было использовано слово “meaning”. Перевод афоризма 6.126 четко закрепляет соответствие “Sinn” и “sense”, “Bedeutung” и “meaning”. Это же лексическое решение было воспроизведено и в переводе Д.Ф. Пэрса и Б.Ф. Макгинесса. Слово “sense” у Рассела либо не иг-

рало технической роли, либо использовалось с приставкой “non”. Иногда слово “Sinn” и производные от него, вообще устойчиво переводящиеся в «ЛФТ» как “sense” и производные от него, переводится как “meaning”, как в афоризме 3.328. У Огдена “unsinnig” переводится как “meaningless” в 5.5351, причем в том же самом предложении то же “unsinnig” переводится как “senseless”. Особенно сильно разница между английским переводом «Трактата» и словоупотреблением Рассела видна в написанном последним «Введении», в котором, говоря “meaning”, он, как кажется, имеет в виду “Sinn”, у которого есть психологическая сторона, не интересующая логику. Относительно Витгенштейна традиция устоялась, и в своем переводе «Философских исследований» Э. Энском тоже использовала слово “meaning” для передачи “Bedeutung” [Wittgenstein, 2009]. Огден в работе, написанной в соавторстве с литературным критиком А. А. Ричардсом, и опубликованной через год после издания английского перевода “ЛФТ”, описывая учение Фреге, переводил “Sinn” как “meaning”, а “Bedeutung” как “indication” [Ogden, Richards, 1946, p. 274]. Рассел иногда тоже использовал такой вариант.

Важно, что ни “denotation” Рассела, ни “meaning” Огдена не были ошибками. Это вполне допустимые переводы. Но все же, как пишет А. Стролл, само слово “meaning” двусмысленно и может означать как лингвистическую единицу, которая может обладать смыслом (connotation/sense), так и объект, к которому отсылают или который упоминают [Stroll, 2000, p. 26]. Однако причина, побудившая Огдена выбрать именно “meaning”, остается для меня загадкой. Опирался ли он на обыденное словоупотребление или сыграл свою роль Рамсей, как утверждает профессор Ш. Мисак (в личной переписке), я не знаю. Возможно, если бы не имевшее место недопонимание между Огденом, Расселом и Витгенштейном, то результат был бы иным. Но сам факт, что в двух текстах, входящих в джентльменский набор аналитического философа, в «Об обозначении» и в английском переводе «ЛФТ», существует указанное выше разночтение, не может не породить замешательства.

Со временем ситуация еще более запуталась. В 1948 году Макс Блэк публикует свой, ставший в последствии классическим перевод статьи “Über Sinn und Bedeutung”, используя слова “sense” и “reference” [Frege, 1948]. Опасность такого переводческого решения сразу была отмечена специалистами [Church, 1948]. Через год вышел еще один перевод, который выполнил Герберт Фейгль. Он использовал “sense” и латинское “nominatum”, которое Фейгль заимствовал из «Значения и необходимости» Карнапа. Позднее Блэк согласился с Черчем, что “denotation” является более удачным переводом, чем его “reference” или “nominatum” Фейгля [Black, 1949].

В 1970-е дискуссия о переводе “Bedeutung” приобрела массовый характер и историко-философский оттенок. В ней приняли участие Майкл Даммит, Питер Гич, Уильям Нил, Дэвид Белл, Питер Лонг, Роджер Уайт и другие философы. В настоящий момент, несмотря на то, что “meaning” считается «официальным» переводом, другие не теряют своей популярности. По моим наблюдениям, среди «неофициальных» самым влиятельным заслуженно является “reference”.

Это преступно краткое историческое рассмотрение должно было научить нас, ввиду каких обстоятельств философы больше не могут быть психологами относительно значения, и тому, какая путаница существует относительно терминологии в этом вопросе.

Постановка проблемы

Развитие философии связано с уточнением формулировок ее проблем. Так, психофизическая проблема еще в Новое время приобрела ясный и отчетливый вид, но только сравнительно недавно было найдено ее сердце: трудная проблема сознания. Ту же картину мы наблюдаем в метафизике свободы воли. Аргументы, высказанные сторонниками разных вариантов этой метафизики, были собраны в единую проблему Уильямом Джеймсом [Джеймс, 1997, с. 95–119] и сейчас продолжают модифицироваться, адаптируясь к новейшим контрдоводам (некоторые важные детали можно найти тут [Мишура, 2015; Васильев, 2016]). Понятно, в чем состоит проблема бытия [Куйан, 2010, с. 21]. Достаточно ясно сформулирована проблема ментальной каузальности [Kim, 1998, р. 29–87]. Но существует ли достаточно ясная формулировка проблемы значения? Кажется, несмотря на то, что по этой теме писали философы, ориентированные на строгость, проблема не была сформулирована должным образом.

Вполне может оказаться, что сегодня никакой философской работы значение и не требует. Почему нельзя считать, что философы прошлого уже все сделали, и теперь значением могут заниматься только специальные науки? Например, нас интересует значение слова «мыслитель». Философ ничем не может помочь. Мы открываем словарь и читаем об удивительных приключениях этого слова в истории языка и о том, что оно значит сегодня. Рассмотрим более простой пример. Я говорю: «На моем столе стоит чашка». Каждый человек, владеющий русским языком, понимает это предложение безотносительно того, какой философской веры относительно значения он или она придерживается и придерживается ли какой-нибудь. Конечно, лингвисты, как и другие люди, могут искать в философии вдохновение, интуиции, прозрения, свежий взгляд и т. п. Вполне может оказаться,

что дело настоящей философии языка – мыслить свой предмет настолько необычным образом, насколько это вообще возможно [Гиренко, 2008, с. 3]. Это может быть интересным занятием, ему вовсе не обязательно обладать познавательной ценностью. Однако лингвист и филолог могут черпать вдохновение не только в философии, но и в музыке, литературе, истории или в занятиях горными лыжами. Если мы хотим размышлять в классическом ключе, делать этого строго и последовательно, то нужно ответить на вопрос: а что именно в значении делает его загадкой? Витгенштейн учил, что философская проблема имеет форму: «Я в тупике» (PI: 123). Но что такое тупик в деле философии, если не противоречие? Философ должен помещать рассматриваемый предмет в центр узла противоречий, которые представляют собой формулировки наших базовых убеждений.

- (1) Мы убеждены, что А;
- (2) Мы убеждены, что В;
- (3) Из В следует не-А;
- (4) Наши убеждения противоречивы.

Важно, что А и В – это положения, имеющие одинаковую эпистемологическую природу. Возможно, для обнаружения противоречия потребуется более четырех шагов. Шаг (3) добавлен, чтобы избежать ситуации, в которой некто имеет два убеждения, которые напрямую противоречат друг другу. Такие ситуации не представляют научного интереса.

Было бы ошибкой сказать, что в литературе совершенно не встречаются интересные формулировки. Так, Пол Хорвич приводит целый список проблем, загадок, вопросов, которые возникли в философии языка в прошлом столетии [Horwich, 1998]. Но все это не делает проблему яснее, а только дробит ее на множество подпроблем, без какой-либо возможности понять общую связь между ними. У Джона Остина мы встречаем такое предложение: «как слова делаются значимыми»? [Остин, 2006, с. 67]. **Наиболее удачной мне кажется формулировка, данная Куайном: какого рода вещами являются значения** [Куайн, 2010, с. 48]? В целом, я буду рассуждать в свете этого вопроса. Полезным мне также кажется вопрос Хилари Патнэма: как слова цепляются за мир (hook onto the world) [Putnam, 1992]? Проблема с этими влиятельными формулировками в том, что их создали для того, чтобы маркировать позиции оппонентов. То есть это псевдовопросы. И они не имеют формы противоречия.

Вернемся к примеру с чашкой. Очевидно, что в организации значения этого выражения участвуют три стороны: вещь, слова и тот, кто пользуется словами, личность. Мы обозначаем знаком «чашка» чашку-объект. Мы обладаем властью называть вещи словами. Является ли наша власть неограниченной? Возможно, но, даже создав себе язык

для внутреннего пользования, мы не можем быть уверены, что он будет только нашим. Другие всегда найдут возможность нас поправить, ограничить. В этом смысл аргумента приватного языка [Ayer, Rhees, 1954; Крипке, 2005]. Значит, есть еще один элемент, участвующий в значении: общество.

Тип теории значения, к которой в итоге придет исследователь, занимающийся этой проблемой, зависит от того, с рассмотрения какого из четырех элементов он или она начнет рассуждение. Мы начали с тех, кто пользуется языком, и договорились, что их разумно разделить на два типа: общество и личность. Мы установили, что общество актуально или потенциально ограничивает вклад личности в формирование значения. Почему мы понимаем слова примерно одинаковым образом? Потому что мы либо заключили об этом соглашение, либо знаем о том, что такое соглашение было заключено в прошлом. Как и теоретикам общественного договора, нам хватит и виртуального соглашения. Тогда значение знака есть совокупность его применений в языке, а применение есть релевантное включение в кортежи выражений. Значит, значения конвенциональны.

Исторически первыми, кто пришел к подобной точке зрения, были, по всей видимости, софисты. И в первом же дошедшем до нас крупном тексте, посвященном специально философии языка, в «Кратиле», мы находим критику этой теории. Платон использует то, что можно назвать аргументом от истины. Мы фактически различаем истинные и ложные суждения. Если все дело только в конвенции, то не ясно, как такое различие возможно [Платон, 1992, с. 385–391]. Соглашение, как говорит Дэвидсон, не порождает истины [Дэвидсон, 1998, с. 344]. Мы могли бы объявить, что это различие принадлежит мнению, а разум дает нам иную картину, говорит, что мы должны отказаться от различия истины и мнения.

Сделаем небольшое отступление.

Я не располагаю хоть сколько-то удовлетворительной теорией истины и вполне сознаю, что существуют философы, готовые отказаться от различия истины и лжи. Насколько я понимаю, это можно делать в трех смыслах. Во-первых, можно отказаться от этого различия ввиду того, что философия стала (или всегда была) своего рода литературной деятельностью, поэтому вопрос об истинности «Опыта критики всякого откровения» столь же бессмыслен, как и вопрос об истинности «Американской трагедии». Но это просто не соответствует фактам из истории философии. Именно поэтому сторонники этой позиции, такие как Рорти, одновременно еще и считают целью историко-философской науки не воссоздание объективного развития мысли, а постоянную литературную игру с классическими сюжетами (об этом см. [Логинов, 2016а]). Я не принимаю такую точку зрения всерьез. Во-вторых, можно сказать, что различие истины и лжи не играет

существенной роли в науке, что на самом деле наука есть история про ставки, риски, силы, демарши и т. д. Думаю, что это не так, но если кому-то хочется так думать о науке, то я легко оставлю ему или ей слово «наука», ведь я сам занимаюсь философией и ее историей. В-третьих, можно сказать, что конвенционализм способен принять в себя различие истины и лжи. Обычно это направление мысли ассоциируют с т. н. когерентной теорией истины. Если есть множество положений, образующих теорию А, и другое множество положений, образующих теорию В, то истинностью некоего положения S относительно А будет его когерентность другим положениям А, а истинностью положения S относительно В будет его когерентность с другими положениями В. Однако такая теория не является достаточной, ведь согласованность положений нужна и для корреспондентской, и для прагматической теорий истины. Само различие истины и лжи порождает закон непротиворечия, а не наоборот. Кроме того, не очень ясно, является ли когерентность А такой же, как и когерентность В? Если нет, то почему и то, и другое мы называем принципом истинности? Если да, то что это за принцип? Является ли он пустым формализмом или имеет содержательное наполнение? Если первое, то откуда он взялся? Если второе, то что это за наполнение? Я не вижу способа ответить на эти вопросы без допущений, характерных для старых идеалистов: сказать, что истинности А и В зависит от чего-то или кого-то, что или кто и есть истина. Поэтому когерентная теория истины является современным вариантом махавакьи «то ты еси». А это очень сильное онтологическое допущение, грозящее множеством логических грехов и онтологических излишеств.

Если мы не хотим разделять иллюзии старых идеалистов, то мы должны спасти понятие истины с помощью понятия референции. Референция обычно определяется как непосредственная связь языковых выражений с предметом в мире. Несмотря на то, что объяснение референции достаточно сложно, в обыденной жизни мы активно пользуемся ею. Практически невозможно себе представить современную научную статью без ссылочного аппарата.

Почему референция важна для нас? Потому что мы убеждены, что говорим о чем-то, а не ни о чем. Чтобы говорить, что некое положение истинно или ложно относительно некоего предмета, факта или обстоятельства, нужно знать, о чем оно сказывается, нужно как-то фиксировать его. Конечно, мы можем быть просто вовлечены в беседу и наслаждаться ситуацией, звучанием нашего голоса или изящностью выражений, но проблемы вроде загадки Фреге заставляют нас предполагать связь слов и вещей.

Как, однако, она возможна? Блаженный Августин сообщает, что «мы решительно не в состоянии что-либо выразить, если только душа наша, услышав слова, не перенесется к тому, знаками чего эти слова

выступают». Сложно не согласиться, что «из уст говорящего исходит не сама обозначаемая вещь» [Августин, 1999, с. 328–329]. Возможно, для видимых вещей мы можем воспользоваться указанием, но как быть, например, с предложениями? Если мы согласимся, что в каждый момент употребления каждого знака этому знаку соответствует некий объект, то это может привести нас к перегруженной квазиплатоновской онтологии.

Нам вовсе не всегда нужна референция, чтобы быть понятными. Например, сцена с рабом в «Меноне» (82a–86c) и коррелятивный ей пассаж у Аристотеля во «Второй аналитике» (71a17–24) содержат указательные местоимения, которые являются носителем референции *par excellence*. Для актеров, ставящих «Менон» и чертящих фигуры на песке, действительно будет «вот этот», «вот тот» квадрат и т. д. Но, например, для лектора, который рассказывает студентам о Платоне, те же слова не будут обладать референцией, и это не нужно для понимания.

Итак, мы в затруднении. Если значения конвенциональны, то мы лишаемся истины. Если значения референциальны, то мы сталкиваемся с рядом сложных вопросов и квазиплатонизмом. Конвенциональность предлагается как объяснение интерсубъективности значений. Постулирование референциальности позволяет объяснить истинность и интенциональность (мы убеждены, что слова говорят о чем-то, а не ни о чем). Мы не можем отказаться от этих благ, какую бы опасность они не таили. Поэтому мы должны принять и конвенциональность, и референциальность и посмотреть, что будет. Если мы разделяем конвенционалистское убеждение, то в теории значения нам не нужны никакие вещи. Если же мы отстаиваем референциальную точку зрения, то должны настаивать на том, что представление о вещах является необходимой частью теории значения. И если мы одновременно придерживаемся обоих взглядов, то приходим к противоречию.

На первый взгляд кажется, что никакого противоречия тут нет, и мне стоило труда и времени, чтобы убедить себя в обратном. Кажется, что речь идет просто о разных аспектах языка. Но это не так. Во-первых, в философии языка, создаваемой в разные эпохи в разных национальных традициях, можно найти намеки на это противоречие. Так, сэр Питер Стросон описывал то, что он называл гомеровским противостоянием богов и героев: правы ли теоретики коммуникации (Остин, Грайс и поздний Витгенштейн) или сторонники формальной семантики (Хомский, Фреге и ранний Витгенштейн?) [Стросон, 1998]. Во-вторых, каждый из этих взглядов основан на сильных интуициях и может полностью объяснить язык. А когда мы пытаемся совместить эти два подхода, получается противоречие. **А мы должны их совместить, если желаем гармонизировать наши убеждения о языке.**

- (1) Значения знаков intersубъективны;
- (2) Существует различие истины и лжи;
- (3) Значения знаков конвенциональны – из (1);
- (4) Существует референция – из (2);
- (5) Для объяснения природы значения не нужны вещи – из (3);
- (6) Для объяснения природы значения нужны вещи – из (4);
- (7) Наши убеждения противоречивы.

Попытка решения

Как нам разрешить это противоречие? Наши послышки кажутся надежными, а вывод – правильным. Если бы я сейчас вытащил из рукава некий постулат, который отменял противоречие, то это выглядело бы нелепо. В такой ситуации велик соблазн стать скептиком или уверовать, что противоречие – это свойство самого мира. Но мы попробуем избежать таких крайностей с помощью идей, стоящих за дедукцией категорий Пирса, несмотря на очевидность того, что связь между одним и другим не вполне ясна и может быть оспорена. В своем понимании учения Пирса я опираюсь, кроме его собственных работ, еще и на исследования [Ayer, 1968; Мельвил, 1968; Flower, Murphey, 1977; Short, 2007; Кирюшенко, 2008] и некоторые другие.

Если бы Пирс увидел наше рассуждение, то он, как мне представляется, сказал бы, что ошибка коренится в понимании референции как двухместного отношения, подобного остенсии. Всякий ли акт референции является остенсивным? На первый взгляд, трудно дать пример обратного. Но остенсия, как показали множество авторов (например, Витгенштейн и Куайн), не является надежной процедурой. Мы можем суммировать их труд в три довода. Во-первых, существуют знаки (например, служебные части речи), которые не указывают на что-то в мире. Во-вторых, остенсии свойственна известная неопределенность: нельзя понять, на что я указываю, если уже не иметь способа понять это и без указания. В-третьих, из того, что в конкретной ситуации я показываю на конкретную чашку, не следует, что чашка является значением слова «чашка», ведь в другой ситуации я могу показать на другой объект. Чтобы ответить на эти соображения, нужно перестать отождествлять референцию и остенсию. Все эти трудности, сказал бы, вероятно, Пирс связаны с тем, сам акт внимания, коим является остенсия, не имеет коннотации (1.547), поэтому он не может объяснять природу значения. Пирс предлагает считать, что знак обладает тремя референциями, каждая из которых не есть остенсия.

Первую референцию, считает Пирс, мы осуществляем не к индивидуальной вещи, а к качеству, понимаемому как атрибут, основа, абстракция или чистый вид. Пирс говорит о “pure species”, что делает

его учение родственным реализму средневекового толка. Почему мы должны принять это? Пирс приводит следующий аргумент. В суждении мы присоединяем к субъекту некий предикат, выражающий качество. Чтобы суждение не было тавтологией, мы должны быть способны мысленно отделить предикат от субъекта, только в этом случае имеет смысл работа копулы (1.548). Интроспекция обманывает нас в том, что качество является таким же конкретным нечто, как и то, качеством чего оно является (1.551). Если бы мы могли доверять интроспекции в этом вопросе, то можно было бы держаться за конкретность качеств, но достоверность интроспекции основана на достоверности внутреннего созерцания, а последняя основана на представлении о способности различать само созерцание и созерцание того, что это созерцание является только созерцанием, а не результатом вывода (5.214). Качество не есть объект наблюдения, но объект логики (5.369). Так как все, что есть в субъекте, берется из предиката, то мы должны считать свойства существующими реально.

Возможно ли всерьез защищать объективное существование свойств и отношений? С одной стороны кажется, что мы убеждены в том, что существуют только единичные вещи. С другой стороны, сущности вроде семьи, дружбы и университета или расстояния между Москвой и Томском очевидно существуют и отличаются от привычных философам столов, стульев и чашек. Эти объекты подводят нас к той грани, за которой у философа начинает расти платонова борода [Куайн, 2010, с. 22]. Но нам необязательно переходить ее, утверждая, что отношения порождают участников отношения или что они являются хоть в каком-то смысле совершеннее, активнее, понятнее, чем единичные вещи. Платонизм становится самопротиворечивой концепцией только тогда, когда к тезису о реальности свойств и отношений добавляется тезис об особых свойствах этих отношений (например, вечность или самоидентичность), которые обеспечивают им онтологическое первородство. А без этого платонизм противоречит только эстетическому чувству любителей пустынных ландшафтов [Куайн, 2010, с. 24], что не может рассматриваться как серьезное возражение.

Итак, мы осуществляем референцию к качеству, или первичность. Достаточно ли этого для работы знака? Нет, так как сама референция к качеству не очень-то понятна. Она, считает Пирс, является референцией к корреляту, т. е. качество может быть понято только в сравнении с другим качеством. Это называется вторичностью. Но и это еще не все. Сама референция к корреляту является референцией к интерпретанту, опосредующей репрезентации, или троичностью. Она необходима, иначе знаки ничего не могли бы значить: А отсылало бы к В, В к С, С к D и ad infinitum. Иллюстрируя свою мысль, Пирс приводит в пример переводчика, который говорит, что иностранец говорит то же,

что и он сам (1.553–1.554). Грубо говоря, троичность – это понимание референции к корреляту. Пирс считал это семиологическим аналогом синтетического единства многообразного (В187).

Что эта спекуляция позволяет нам учесть? Интросубъективность значения существует в силу абстрактного, доступного всем характера первичности. Наша способность к языковому творчеству возможна в силу синтетического характера троичности. Эти два объяснения позволяют нам обойтись без конвенциональности. Теперь нужно ответить на вопрос об участии вещей в организации значения. Ответ состоит в том, что вещи участвуют в работе значения, являясь необходимым условием для любой адекватной интерпретации нашего опыта [Ауер, 1968, р. 21]. Вещь – это своего рода ключ к замку значения, но это не значит, что замок создан ради ключа. В структуре значения есть место для вещи, и это место – отсылка к корреляту.

Прошлое понимание референциальности мы ввели в ответ на тревогу за истину. В целом Пирс согласен, что истина есть сообразность репрезентации со своим объектом (1.578). Важно, чтобы объект был реальным и не зависел от репрезентации (5.384). Значит, в случаях, когда вообще есть повод говорить об истине, мы должны быть способны абстрагировать вторичность знака, которую Пирс связывает со свойственным действительности сопротивлением, от ее троичности. В таких случаях работает теория истины как адекватности, но для нормальной ее работы нужен фирменный прагматический постулат – фаллибилизм. Сказать, что нечто является истинным, значит выразить решимость следовать этому мнению (5.406). Мы можем ошибиться, приняв вторичность, например, за троичность, и тогда мы увидим не подлинную структуру мира, а лишь свои фантазии о ней. Если мы уверуем в последние, то не сможем удовлетворять свои желания (5.375). Значит, истина (во всяком случае, научная истина) есть то, во что опыт в конце концов заставляет нас верить [Short, 2007, р. 332]. Таким образом, Пирс позволяет сохранить различие истины и лжи и не впасть в когерентную теорию истины.

Служебные части речи не могут служить контрпримером для нашей теории референции, ведь они являются знаками-индексами, т. е. знаками, чья референция к основе может быть абстрагирована от референции к интерпретанту, но не может быть отделена от референции к корреляту (1.558). Прагматический ответ на проблему неопределенности я планирую рассмотреть в другом месте, но, если кратко, он состоит в том, что фаллибилизм может рассматриваться как лекарство от страха совершить ошибку. Проблему, связанную с тем, что один и тот же знак в разных контекстах может обладать разными значениями, я попытался решить тут [Логинов, 2016b], отвечая на [Мерцалов, 2015]. В целом, мне кажется, я справляюсь с этой трудностью. Однако полезно спросить: а что понимается под «одним и тем же знаком»?

Спекулятивный ответ состоит в том, что два знака, первичности и троичности которых неразличимы, а вторичности отличаются (в этом смысл выражения «в разных контекстах»), есть один и тот же знак. Запутанность этого объяснения (что, например, значит «отличаться» для первичности?) показывает, как далеки мы еще от решения проблемы тождества.

Подведем итоги. В первой части мы выяснили причины, по которым психологизм относительно значения утратил свою привлекательность, и увидели, какие терминологические трудности невольно создали философы, приложившие руки к этому развенчанию. Во второй части я попытался, учитывая эти обстоятельства, четко сформулировать проблему значения через противоречие между конвенциональностью и референциальностью. В третьей части я предложил решение проблемы на основе предложенной Пирсом спекулятивной теории.

Если изложенное выше верно, то сказать, что значением знака является объект (нечто независимо от нас) – не ошибка, а опасное упрощение. Между тем мнение, согласно которому значением является конвенция (не важно, понимаем ли мы ее как действие или как идею), – ошибка. Это мы и хотели выяснить.

Список литературы

- Августин, 1999 – *Августин*. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1280 с.
- Беркли, 1978 – *Беркли Дж.* Соч. М.: Мысль, 1978. 556 с.
- Беседин, 2005 – *Беседин А.П.* Беркли как философ Просвещения // Филос. науки. 2005. № 5. С. 24–34.
- Васильев, 2016 – *Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма // Вопр. философии. 2016. № 2. С. 64–77.
- Гиренок, 2008 – *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Акад. проект, 2008. 240 с.
- Декарт, 1989 – *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1989. 654 с.
- Джеймс, 1997 – *Джеймс У.* Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.
- Дэвидсон, 1998 – *Дэвидсон Д.* Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: Становление и развитие. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 528 с.
- Кирющенко, 2008 – *Кирющенко В.В.* Язык и знак в прагматизме. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2008. 199 с.
- Крипке, 2005 – *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. 152 с.
- Куайн, 2010 – *Куайн У.В.О.* С точки зрения логики. М.: Канон+, 2010. 272 с.
- Лейбниц, 1983 – *Лейбниц Г.* Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
- Логинов, 2016а – *Логинов Е.В.* Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // Вопр. философии. 2016. № 2. С. 192–201.
- Логинов, 2016б – *Логинов Е.В.* Чудовище Фрегенштейна и разрушители мифов // Финиковый Компот. 2016. № 10. С. 52–59.

- Мерцалов, 2015 – *Мерцалов А.В.* Все наоборот // Финиковый Компот. 2015. № 9. С. 37–42.
- Мельвиль, 1968 – *Мельвиль Ю.К.* Чарлз Пирс и прагматизм. М.: Изд-во МГУ, 1968. 500 с.
- Мишура, 2015 – *Мишура А.С.* Индетерминистические модели каузальности в либертарианских теориях свободы воли // *Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2015. № 1. С. 215–231.
- Остин, 2006 – *Остин Дж.* Три способа пролить чернила. СПб.: Алетейя. 2006. 335 с.
- Платон, 1992 – *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Loseva. Т. 1. М.: Мысль, 1992. 864 с.
- Стросон, 1998 – *Стросон П.* Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 213–230.
- Фреге, 2008 – *Фреге Г.* Логико-философские труды. Новосибирск: Сибир. университет. изд-во, 2008. 283 с.
- Черч, 1960 – *Черч А.* Введение в математическую логику. Т. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 485 с.
- Ayer, 1968 – *Ayer A.J.* The Origins of Pragmatism. San Francisco: Freeman, Cooper & Company. 1968. 347 p.
- Ayer, Rhees, 1954 – *Ayer A.J., Rhees R.* Can There Be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1954. Vol. 28. P. 63–94.
- Baldwin, 1902 – *Baldwin J.M.* Dictionary of philosophy and psychology. Vol. 2. N. Y.; L.: The Macmillan Company, 1902. 892 p.
- Black, 1949 – *Black M.* Review: Readings in Philosophical Analysis by Herbert Feigl; Wilfrid Sellars // The Journal of Symbolic Logic. 1949. Vol. 14. No. 3. P. 184–185
- Church, 1948 – *Church A.* Review: A translation of Frege's *Über Sinn und Bedeutung*. Introductory Note by Max Black // The Journal of Symbolic Logic. 1948. Vol. 13. No. 3. P. 152–153.
- Flower, Murphey, 1977 – *Flower E., Murphey M.G.* History of philosophy in America. Vol. 2. N. Y.: Capricorn Books, 1977. 972 p.
- Frege 1892 – *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. N. F., Bd. 100/1. 1892. S. 25–50.
- Frege, 1979 – *Frege G.* Posthumous Writings. (trans. Long and White, ed. Hermes, Kambartel, and Kaulbach). Oxford: Basil Blackwell. 1979. 288 p.
- Frege, 1948 – *Frege G.* Sense and reference // The Philosophical Review. 1948. Vol. 57. No. 3. P. 209–230.
- Glock, 1996 – *Glock H.-J.* A Wittgenstein Dictionary. Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. 416 p.
- Horwich, 1998 – *Horwich P.* Meaning. Oxford: Oxford University Press. 1998. 254 p.
- Kim, 1998 – *Kim J.* Mind in a Physical World. An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation. Cambridge (MA): MIT Press, 1998. 156 p.
- Locke, 2008 – *Locke J.* An Essay concerning Human Understanding. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Mackie 2005 – *Mackie J.L.* Problems from Locke. Oxford: Clarendon Press, 2005. 248 p.

Mill, 1974 – *Mill J.S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books I–III)* // *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume VII* / Ed. by J.M. Robson, Introduction by R.F. McRae. Toronto: University of Toronto Press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1974. 757 p.

Ogden, Richards, 1946 – *Ogden C.K., Richards I.S. The Meaning of Meaning*. N. Y.: A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc., 1946. 387 p.

Ott, 2003 – *Ott W. R. Locke's Philosophy of Language*. N. Y.: Cambridge University Press, 2003. 169 p.

Putnam, 1992 – *Putnam H. Realism with a Human Face*. Cambridge (Mas.): Harvard University Press, 1992. 347 p.

Russell, 1905 – *Russell B. On denotings* // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

Short, 2007 – *Short T. L. Peirce's Theory of Signs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Stroll, 2000 – *Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy*. N. Y.: Columbia University Press, 2000. 315 p.

Wittgenstein, 2009 – *Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen* // *Philosophical Investigations, bilingual* / Trans. G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte. Oxford: Blackwell, 2009. 592 p.

References

A.F. Losev (ed.). *Plato. Sbranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected Papers], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1992. 864 p. (In Russian)

Augustine. *Ob istinnoy religii. Teologicheskiiy traktat* [On True Religion. Theological Treatise]. Minsk: Harvest, 1999. 1280 p. (In Russian)

Austin J. *Tri Sposoba Prolit' Chernila* [Three Ways of Spilling Ink]. St.Petersburg.: Aleteya Publ.. 2006. 335 p. (In Russian)

Ayer A. J. *The Origins of Pragmatism*. San Francisco: Freeman, Cooper & Company. 1968. 347 p.

Ayer A. J., Rhees R. Can There Be a Private Language? *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*, 1954, vol. 28, pp. 63–94.

Baldwin J. M. *Dictionary of philosophy and psychology*, vol. 2. London, New York: The Macmillan Company, 1902. 892 p.

Berkley G. *Sochineniya*. [Collected Papers]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 556 p. (In Russian)

Besedin A.P. Berkli kak filosof Prosveshcheniya [George Berkeley as a Philosopher of Enlightenment]. *Filosofskie nauki*, 2005, no 5, pp. 24–34. (In Russian)

Black M. Review: Readings in Philosophical Analysis by Herbert Feigl; Wilfrid Sellars. *The Journal of Symbolic Logic*, 1949, vol. 14, no. 3, pp. 184–185.

Church A. Review: A translation of Frege's *Über Sinn und Bedeutung*. Introductory Note by Max Black. *The Journal of Symbolic Logic*, 1948, vol. 13, no. 3, pp. 152–153.

Church A. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1960. 485 p. (In Russian)

- Davidson D. Metod istiny v metafizike [The Method of Truth in Metaphysics] *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie*. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 1998. 528 p. (In Russian)
- Descartes R. *Sochineniya* [Collected Papers], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989. 654 p. (In Russian)
- Flower E., Murphey M. G. *History of philosophy in America*, vol. 2. New York: Capricorn Books, 1977. 972 p.
- Frege G. *Logiko-filosofskie Trudy* [Logical-philosophical Works]. Novosibirsk: Siberian Univ. Publ., 2008. 283 p. (In Russian)
- Frege G. *Posthumous Writings*. Oxford: Basil Blackwell, 1979. 288 p.
- Frege G. Sense and reference. *The Philosophical Review*, 1948, vol. 57, no. 3, pp. 209–230.
- Frege G. Über Sinn und Bedeutung. In: *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. N.F., Bd. 100/1. 1892. S. 25–50.
- Girenok F. I. *Udovol'stvie myslit' inache* [The Pleasure of Thinking Differently.]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2008. 240 p. (In Russian)
- Glock H.-J. *A Wittgenstein Dictionary*. Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. 416 p.
- Horwich P. *Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 254 p.
- James W. *Volya k vere* [Will to Belief]. Moscow: Respublika Publ., 1997. 431 p. (In Russian)
- Kim J. *Mind in a Physical World. An Essay on the Min-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 156 p.
- Kiryushchenko V.V. *Yazyk i znak v pragmatizme* [Language and Sign in Pragmatics]. St.Petersburg.: European Univ., 2008. 199 p. (In Russian)
- Kripke S. *Vitgenshtejn o pravilah i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ., 2005. 152 p. (In Russian)
- Leibniz G. *Sochineniya* [Collected Papers], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 686 p. (In Russian)
- Locke J. *An Essay concerning Human Understanding*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 520 p.
- Loginov E. V. Chudovishche Fregenshtejna i razrushiteli mifov [Fregenstein's monster and Mythbusters]. *Finikoviy Kompot*, 2016, no. 10, pp. 52–59. (In Russian)
- Loginov E. V. Pragmatizm i neopragmatizm: rekonstrukciya ucheniya Dzh. D'yui u R. Rorti [Pragmatism and neo-pragmatism: R. Rorty's reconstruction of John Dewey's philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 192–201. (In Russian)
- Mackie J. L. *Problems from Locke*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 248 p.
- Melville Y.U. K. *Charlz Pirs i pragmatizm* [Charles Peirce and Pragmatism.]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1968. 500 p. (In Russian)
- Mertsalov A. V. Vse naoborot [All the Way Around]. *Finikoviy Kompot*, 2015, no. 9, pp. 37–42. (In Russian)
- Mill J. S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books I-III). In: J.M. Robson (ed.). *The Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. VII. Toronto: University of Toronto Press, London: Routledge and Kegan Paul, 1974. 757 p.
- Mishura A. S. Indeterministicheskie modeli kausal'nosti v libertarianskih teoriyah svobody voli [Indeterministic model of causation in libertarian accounts of free will]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, vol. 43, no. 1, pp. 215–231. (In Russian)

Ogden C. K., Richards I. S. *The Meaning of Meaning*. New York: A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc., 1946. 387 p.

Ott W. R. *Locke's Philosophy of Language*. New York: Cambridge University Press, 2003. 169 p.

Putnam H. *Realism with a Human Face*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. 347 p.

Quine W.V.O. *S tochki zreniya logiki* [From a Logical Point of View]. Moscow: Kanon+ Publ., 2010. 272 p. (In Russian)

Russell B. On Denotioing. *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Short T. L. *Peirce's Theory of Signs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Strawson P. Znachenie i istina [Meaning and truth]. In: A.F.Gryaznov (ed.). *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analitical philosophy: formation and development]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. P. 213–230. (In Russian)

Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2000. 315 p.

Vasilyev V.V. V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma [In Defense of Classical Compatibilism]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 64–77. (In Russian)

Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen/Philosophical Investigations*. In: G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte (transl.). Oxford: Blackwell, 2009. 592 p.